

- [Шишков Вячеслав](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Шишков Вячеслав

Журавли

Вячеслав Шишков

ЖУРАВЛИ

Посвящается

Капитолине Васильевне

Вяткиной

I

Ах и ночи бывают ранней осенью - задумчивые, мудро-грустные.

Крепко спят живыми снами осиротевшие леса, нивы, луга, воздух. Но земля еще не остыла, в небе стоят звезды, и через широкую реку протянулся зыбкий лунный мост. На середине реки большая отмель, и через голубоватый полумрак слышны долетающие оттуда странные крики журавлей. Осенние птицы крепки, сыты, веселы и перед отлетом в теплый край затеяли игру.

- Танюха, чу!.. Пляшут... - сказал Андрей.

- И то пляшут, - ответила девушка. - Давай в лодку, поплывем.

- Не подпустят. Сторожкие они. Вот е ружья бы.

Горит костер. Татьяна в горячую золу сует картошку.

Черная шаль накинута на ее льняные волосы, густая прядь их свисла через загорелый лоснящийся лоб к голубым глазам.

- Я видал, как они пляшут, - говорит Андрей, вырезывая на ольховой палке завитушку. - В прошлом годе с дедом лучили рыбу. Ну и тово...

Еще русалку видели. На камне косы плела... Голенькая... А красивая, вроде тебя. Я тебя, Танюха, разок видал, как ты купалася.

- Ври, - полные губы девушки раздвинулись в улыбку.

- Видал, видал... Все на свете высмотрел. Рубашонку хотел украсть.

- Бесстыжий.

Андрюха потянулся за угольком, трубку прикурить, но вдруг опрокинул девушку и с жаром стал целовать ее.

Девушка вырывалась, вертела головой, не давала губы и, придушенно хихикая, шептала:

- Услышит... Брось... Не балуйся...

По ту сторону костра зашевелилась нагольная шуба, и вырвался тяжкий вздох. Андрей отскочил прочь, Татьяна тоже поднялась. В ее глазах

горела страсть, руки дрожали. Андрей, пошатываясь, громко сопел.

- Чу, пляшут... - сказал он. Черные цыганские глаза его не отрывались от алых раскрытых губ девушки.

Ночь, костер, луна и журавлиные крики за рекой опутали девушку и парня пьяным хмелем. Земля качалась под их ногами, как на реке ладья, и быстро побежавшая в жилах кровь неотразимо толкала их друг к другу.

- Пойдем к воде... под обрыв... Журавлей смотреть, - жег ее сердце Андрей.

- Не пойду. Ты целоваться полезешь, - улыбчиво шептала девушка, придвигаясь к парню.

- Истинный бог - нет. Пойдем.

- Врешь. Станешь.

Андрей, подмурлыкивая песню, зашагал к реке. Татьяна проводила его долгим цепким взглядом, постояла, окликнула:

- Настасья... спишь?

Нагольная шуба не шевелилась. Девушка тоже замурлыкала песню, щеки ее то вспыхивали зноем, то бледнели. Она вытащила из золы картошку, забрала ее в подол и, не оглядываясь, побежала свежей росистой тропкой.

Стало безголосо, тихо у костра. Беспризорный, брошенный огонь вдруг заленился, ослаб и задремал. То здесь, то там позвякивали боталами стреноженные лошади. Сорвалась звезда, осияв на миг голубую ночь.

И сильной мускулистой рукой рванула с себя шубу вскочившая Настасья.

- Дьяволы!.. Карауль их... - бросила она гневным голосом, огляделась и, как молодая кобылица, крутобедро помчалась к обрыву, крича:

- Танюха!.. Танька!.. Бабушке скажу!..

II

Риги осенью топят жарко: надо успеть к утру просушить снопы. А кто ей будет помогать? Кто привезет из лесу смолья, кто завтра подсобит молотить? Она одна. Второй год идет, как ее мужа убил под Ямбургом злодей Юденич-генерал. Кто поможет молодой Настасье жить?

Поздняя, после третьих петухов, седая ночь. В риге жарко.

Андрюха-парень, ее сосед, снял меховую безрукавку и ворошит в печи дрова. Пахнет дымком и дурманным потом ядерных ржаных снопов.

- Спасибо тебе, Андреюшка. Нет-нет да и подсобишь мне, сироте.

- Вот еще подброшу истоплево, да и будет... Спать пойду.

Эти снопы снимешь, другие посади.

Настасья сидела возле печки на снопах грустно и не отвечала.

Короткая ситцевая кофта колышется на ее высокой груди как живая, и крепкие щеки цветут.

- Только чур, уговор: Танюхе молчок, - говорит дрожащим голосом Андрей и щурит глаза на грудь Настасьи.

Настасья задышала пуще.

- Боишься? - насмешливо протянула она.

- Боюсь, - сказал Андрей и привычной рукой опрокинул Настасью на снопы.

...Было в риге очень жарко, душно. А на просторе стоял туман, и сквозь туман бельмасто намечался месяц в широком круге.

Когда Андрюха шел домой, покрытая инеем трава шуршала.

Через гряды, от сладких кочерыжек, из тумана в туман стрельнул длинноухий заяц.

- Улю-лю, косой! - заорал Андрей.

Близился рассвет. Творя молитву и сугорбившись, шла за водой к колодцу Татьяна бабка. Кое-где желтели в избах утренние огоньки.

III

Михайлов день пришел с большим снегом. Село справляло съезжий престольный праздник восьмого ноября по старому календарю. Много пива, самогонки, всякой снеди, - песни, плясы, ругань, кулаки, и колья.

Гуляла вся сельская знать, даже сам председатель исполкома прикатил из соседнего села. Священник отец Семен после обедни обходил с крестом все по порядку избы, к вечеру его водили под руки, самосильно уже стоять не мог, служил молебны на коленях, сидя и кой-как. К ночи водили под руки по почетным хозяевам и захмелевшего председателя исполкома.

К утру и председателя и попа укладывали в крайнем, под железной крышей, доме на одну кровать.

- Как бы греха не вышло, - тыкаясь носом, бубнил хозяин. - С попом вместе вроде зазорно, до кого хошь доведись...

- Ни хрена, сойдет... - мямлили гости. - Он, кутья, советскую власть-эвон как на словах-то превозносит.

Веселей всех у молодой вдовы Настасьи. Ей надо веселиться, надо парней да неженатиков прельщать: время уходит, бабье хозяйство - не хозяйство, и сердце бьется под холстом, как птица.

Встань, молодчик, прибодрись,

Ай-люли, прибодрись!

гремели крепкие молодые груди. У кривого кота звенит в ушах.

Вздрагивают золотые хвостики самодельных свечей.

Андрюха изогнулся, сложил калачом руки и красуется средь хоровода.

Кого любишь, выбирай,
Кого любишь, выбирай!
Низкий поклон, суконная железная рука вцепилась в мягкую,
шелковую руку:

Да покрепче поцелуй,
Да покрепче поцелуй!

и выхваченная из голосистого круга Татьяна жеманно подставляет
Андрею сомкнутые губы.

- Довольно играть! - звонко, надрывно кричит вдова. - Э-эх! - Щеки ее
вспыхивают, она хватается за черноволосую свою голову. - Э-эх!..
Девоньки, выпьем по стакашку... Молодчики!.. - Глаза ее ревниво взглянули
на Андрея, и с злобным хохотом она ударила его по спине рукой. -
Андрюша... Э-эх!..

А помнишь?

И заходил хмельной стакашек. Бледная, опечаленная, Таня подошла к
окну. За окном крутил снег и рявкала гармошка.

- Плясать! Девоньки... Гуляй, вдова! - разжигаяще кричала Настасья,
помахивая красным платком. - И коего черта замуж не берете?.. Э-эх!.. А уж
поцелую... А уж прижму...

От гармошки, гиканья и плясов дрожала печь.

Татьяне как-то по-особому, впервые стало плохо. Она быстро вышла,
по дороге ее мутило, она глотала пушистый снег.

И вдруг мгновенный ужас всю сковал ее.

IV

Целую неделю Татьяна ходила как безумная. По глухим ночам она
прислушивалась к себе и тихо плакала. Бабка Дарья как-то ночью
кликнула ее:

- Ты что?

Татьяна молчала.

Наутро бабка Дарья долго и пристально щуцдла ее взглядом из-под
хохлатых сердитых бровей.

- Лихо тебе? Ой, девка...

Старуха поплелась к Настасье.

- Слышь-ка, вдовуха, слышь-ка, - затрясла она головой в черном
повойнике. - Так-то ты караулила внучку-то мою. А ято, старая псовка, как
с путной с тобой пускала в ночное девкуто. Слышь, говори, с кем она?

У Настасьи упал из рук косарь.

- А что? - И губы ее побелели.

- Что, что? Вот те и что!

- А черт ее укараулит! - вдруг закричала вдова в сморщенное старушечье лицо и загремела хватом. - Поди узнай с кем...

Бабка Дарья трясла головой, беззубо жевала ввалившимся ртом:

- Тьфу! - и, хлопнув дверью, вышла.

Настасья повалилась на кровать, завывала в голос. Ну конечно, теперь Андрюха на Татьяне женится.

Андрей же, похрустывая морозным снегом, шел в волисполком газету почитать и думал: "У Настюхи два самовара, две корову и лошадь добрая. Татьяна победнее. На ком же? А жениться надо обязательно. Вот дьявол-то. Нешто к колдуну сходить да погадать?"

Идет, насвистывает сердитую, опять про Настасью думает:

"Ежели жениться на Танюхе, Настька убьет... Отчаянная баба... Ведьма".

А навстречу Татьяна, на маслобойку льняное семя относил:

- Здравствуй, Андреюшка! - И оба остановились среди лесной дороги.

Как живешь?

- Ничего. А ты?

- Плохо. Тоскую все.

Она глядела в его цыганские глаза голубыми печальными глазами и пыталась улыбнуться.

- А ты ничего, Андреюшка, не знаешь?

- Ничего.

Татьяна вздохнула. Милое лицо ее померкло. Она опустила голову и глядела в землю.

- Ну, скоро узнаешь, Андрюша... Прощай.

Парень поглядел ей вслед, жалко стало, крикнул:

- Эй, Тань! А помнишь журавлей-то? Вот придет весна, соловьев слушать пойдем.

Девушка молча удалялась.

V

Татьяна продолжала ходить на посиделки, но в плясы не пускалась - мол, голова болит, - а пряла пряжу и пела с подругами песни печальным голосом. Со всего села, из ближних деревень собиралась на игрища молодежь: кончался филипповский пост - скоро начнутся свадьбы. И немало парней метит на Татьяну - краше, ласковее, работающее девки нет, - даже как-то трое из-за Татьяны по пьяному делу за ножи взялись.

Андрей еще в своем сердце не решил, держит себя с девушками ровно, только Татьяну семечками угощает и, когда, обнявшись, сидит с ней на беседе, шепчет:

- Ни хрена... Оженемся... Советским браком хошь?

За Настасьиним хвостом тоже много трепалось женихов.

Но Настасья только одного прикармливала блинами да угощала самогоном Андрюху.

- Я знаю... На Таньке жениться ладишь, - говорит она, провожая его ночной порой. - Женись, женись... Девка, кажись, с приплодом... вся волость погогочет на тебя, на дурака.

Бабка же Дарья однажды поутру взяла кошель да клюшку и поковыляла через лесок к колдуну на мельницу.

Про Ерофеича давно шла по селу слава - сильный колдун:

когда отряды рыскали, хлеб с добром отбирали - черта с два найти им колдуна: шарились-шарились - не только колдун, а и вся мельница пропала, даже одного из отряда- холера задавила - в одночасье сдох.

А третьеводнишь встретила бабка Дарья у батюшки отца Семена с женой председателя исполкома, Оленой Митриевой.

- Ох, бабушка Дарья, сходи, сходи. И такой-то колдун, что страсть. Муженек-то мой как закрутил с Михайлова дня, так все в лежку, в лежку. А из города ревизия обещала быть, того гляди под суд. Говорю, напиши господу зарок, - мол, укрепи, господи, брошу пить, - да запечатай в конверт, пускай батюшка под святой престол положит. Куды те тут, - как начал костить: "Кутья! Обманщик, пиум народа". Я к колдуну, дал мне волчьего помету с наговором. Гляди, ведь проблевался мойто, - две недели прошло, не пьет.

Пришла бабка Дарья к Ерофеичу. Колдун сидел у печки, толк в ступе кошачью печенку, а ворона по избе ходила, каркала.

- А крест сняла?

- Сняла, милостивец-батюшка, сняла. Присуши ты парня к девке.

Колдун принял от бабки холст да серебряный полтинник, а ей дал старый веник-голик и разъяснил, как надо приступить.

В радости вернулась бабка в свою избу на другой день к вечеру. Только за порог, а Андрюха шасть:

- Як вам по сурьезному делу. Здравствуйте!

Бабка Дарья размахнулась и ударила его по спине колдовским веником:

- Шйлцы-вилцы-цыгорцы-ходйлцы!..

- Ты чегой-то, бабушка? - обернулся опешивший Андрей.

- Шйлцы-вилцы-цыгорцы-ходйлцы! - стегнула его бабка во второй да в третий раз.

Андрей захохотал - знать, спятила старая старуха, - сел за стол и,

просмеявшись, сказал отцу Тани:

- Вот что, дядя Григорий, желаю на вашей родной дочери, Татьяне Григорьевне, жениться.

- Матушка, покличь-ка Таньку, - торопливо сказал Григорий.

Бабка Дарья бежала за внучкой и захлебывалась радостью.

- Вот он, колдунище-то, какой... Ну, колду-ун...

VI

Прошло больше месяца, как записались Андрей с Татьяной по-советски, при свидетелях. И, конечно, раз не в церкви, не похристиански венчаны, никак нельзя мужу и жене вместе жить - жили новобрачные, как и прежде, - порознь.

Бабка Дарья - что это за свадьба за анафемская, тьфу! - бабка все еще в наговорный веник верила, то Андрюху по спине хлестнет, то внучку:

- Цыгорцы-ходьлцы!

Но толку нет. Рассердилась бабка, изрубила со злости веник топором, в печку бросила, а сама в волость, милицейскому на колдуна жалобу нести.

- Он, леший, - сказал милицейский, - и меня здорово нажег: украли у меня барана, пошел к колдуну, а он, сволочь, меня на ложный след навел. Хотел его под арест взять, опасно все-таки: живо грыжу припустит.

Заплакала бабка, не о холсте с полтинником заплакала, - о внучке Тане.

А внучка тем временем - эх, скоро и зима пройдет! - Таня со слезами пеняла своему невенчанному мужу:

- Андрей... Что ж ты не женишься по-настоящему? Пойдем к венцу.

- Леригия мне не позволяет, вера... Почитай-ка газеты-то...

- Живем порознь, как чужие. Ни работник ты в нашем доме, ни кто.

- Ха! - хакнул по-сердитому Андрей. - Я в согласье хоть завтра перейти жить к тебе. Хоть сей минут.

Григорий, войдя в избу, поймал ухом, крикнул:

- Я те перейду. Много таких мужьев поганых найдется...

Отлыниваешь ты, черт... Испакостил девку, да и...

- Она не девка. Она жена мне. Почитай-ка декрет.

- А подь ты с декретом-то!.. Декре-е-ет... Твое ли мужиковское дело декреты знать?.. Совесть-то есть ли у тебя аи нет?

- Дурак ты, Григорий, больше ничего.

С тем и ушел Андрей.

А Григорий стал ругать неистово: и бабку, и Татьяну, и советскую власть, и весь белый свет.

- Чего ж, тятя, разгневался? Ведь Андрей согласен жить, сам не пускаешь.

- И не пущу!.. Легко ли дело! Записались скрадом у какого-то Абрашки. Тьфу твоя свадьба чертова! Сводники проклятые... Иди к Андрюхе в избу, в гражданский брак!

- Давно бы ушла, да его старики меня не принимают.

И бабка накинулась:

- Сама виновата, вот что! Девкина честь на волоске висит, а потеряешь, так и канатом не привяжешь.

Таня упала на лавку, заплакала, завизжала как помешанная.

- Ага, родимчик! А ну-ка, бабка, кнут...

VII

Плыли весенние зори в небесах, сменяя одна другую. Дни становились длинными. С юга тянули журавли.

Татьяна никуда не выходила. Лицо ее скорбное, в пятнах, и мысли скорбные. Настасья щеголяла по весне в новых полсапожках, в желтой с разводами шали. За Настасью сватались парни и вдовцы. Отказывала.

У Андрея были крупные нелады со своим отцом: ходил пасмурный, задумчивый, к Татьяне заглядывал редко. Поругается с Григорьем и уйдет. И отец и Григорий напирали на него:

- Женись на девке по-настоящему, вокруг наложь.

- Я по декретам желаю жить, - говорил Андрей. - Раз новые права, надо уважать.

- Декрет-то твой, видать, в скрипучих полсапожках ходит...

Вот твой декрет, - хрипел Григорий, и глаза его наливались желчью. Андрей краснел.

Как-то Григорья не было дома, бабка Дарья тоже ушла - белье полоскать. Вернулась - нет внучки. Она в чистую половину: дверь на крючке.

- Открой!

Не отворяет. Забила бабку дрожь. Грохала-грохала, только стон из-за дверей. Бабка в огород, подставила к окну лестницу, влезла.

Татьяна корчилась в родах, грызла подушку и стонала.

- Ой ты, мнёшеньки! - заголосила бабка. - Она, паскуда, и дверь на крючок!.. Она, непутевая, задушить ладила ребенчишка-то... Ой, грех, грех... - И бабка поковыляла вон, руки вымыть.

А в сенцах Настасья полсапожками скрипит:

- Здравствуй, бабушка Дарья... Не забежала ль курочка моя к вам? Кого это задушить хотите? А?

- Тебя, желта шаль! Тебя, потаскуха! Не приваживай гражданских мужиков к себе. Уходи, уходи!

Вымыла бабка руки, принесла в чистую половину к изголовью Татьяны икону старинную, зажгла богову свечку четверговую, настезь ворота распахнула, чтоб было легче дите рожать - надо бы царские двери в алтаре, да некогда и опять к внучке, принимать новоявленного правнука.

В это время Андрей стоял пред Григорьем, сняв шапку, и, помигивая цыганскими глазами, говорил:

- Надумал я, дядя Григорий, папаша, нарушить декрет.

В церковь дак в церковь. В согласие я... А то мне дома голову отгрызли.

Григорий в гумне сошник к сохе прилаживал. Сурово выслушал Андрея, сказал:

- Дело.

Сели, закурили.

- Ты куда это собрался ехать?

- В лес, - сказал Андрей, - нехватка в дровах.

А меж тем младенец родился чуть жив и на другой день умер.

VIII

Хлопот, хлопот бабке Дарье. Взяла холст да полтинник серебряный, последний, пошла к попу. Отец Семен попробовал полтинник на зуб, пощупал холст, согласился. И в ночное время, крадучись, похоронили младенца на погосте.

Ночь была темная, теплая, поля дышали.

Бабка слегла, Григорий стал пить, Татьяна поправляться.

На третий день вечером Андрей встретился с Настасьей в кооперативе: вдова селедки покупала, Андрей - табак.

Защемило сердце у Андрея. А вдова чоботами скрипит, красуется, грудь так и выпирает. Андрей домой. Вдогонку Настасьин ведьмин скрип:

- Чтой-то загордился, Андрей? Когда свадьба-то?

- А тебе на что?

- Ну как же, поди пригласишь. Ну что, сынка или дочку бог дал Татьяне?

- Чего мелешь! Я не знаю... Только что из лесу приехал.

- А ты сходи... Смотри, задушат... Слышала я, грешница...

Ой, нехорошо слышала...

Андрей сопел, дико озирался и, весь похолодевший, плелся по дороге как во сне.

- Пойдем чай пить... Под селедочку, - масляно заглянула в его глаза Настасья.

Как за ведьмой, неотрывно, против воли шел за вдовой Андрей. Она

что-то говорила, он не слушал, весь был там, у Татьяны: и хотелось сына, и не хотелось, а на душе тоскливо, скверно, как пред большой бедой.

И только после первых петухов, развеселившись крепким вдовьим самогоном, шел Андрей вдоль села, примурлыкивая песню.

- Стой. Надо постучать.

На стук выглянул в окно Григорий.

- Здравствуй, папаша предбудущий!.. Тесть. А где гражданская жена? Сказывают, ребенок у вас. Где ребенок?

- Нет никакого ребенка.

- В каком случае нет? - покачиваясь, запыхтел Андрюха. - Есть!.. Только посмейте задушить с бабкой, прямо в тюрьму... Зна-а-ю, брат!

Караульная тетка бросила бить в колотушку, притаилась во тьме, слушает.

- Иди, парень, проспись, - сказал Григорий и стал закрывать окно.

Андрей вцепился в раму, заорал:

- Тогда даю письменный отпор: не желаю! Вот как... в порядке дня. Раз задушили - к чертям! Венчайся сам на ней...

Когда подошел к своей избе, как огнем опахнула его вдова Настасья: в глаза, в лоб, в губы исступленно целовала его, шепча:

- Миленький... Цветик алый... Отказался... Сама слышала...

Ну, теперь по гроб мой будешь.

IX

Андрей перебрался на жительство к вдове. Татьяна погрузила недолго: не любит и не любил ее Андрей. Ну что ж. Есть и другие хорошие ребята на примете. Мало ли красноармейцев возвратилось: разговоры, обхожденье, выправка. Вот это женихи!

Быстро стала Татьяна оправляться, расцветать. Налилась Татьяна ядреным крепким телом, и глаза стали такие, что не оторвешься. Эх, девка - красота!

Цвели зеленые луга, цвела Татьяна, а по задворью, по проулочкам, через грязь, через бабий слух, через старушечьи слюни катилась про Татьяну сплетня: придушила девка дите свое.

И вот пришла Татьяне гибель.

Птицы гнезда вьют, соловьи всю ночь в черемухе тюрлюкают, молодежь игры, плясы, хороводы водит. Этим летом особенно усердно женихались, свадеб будет много.

И Манька, и Палашка, и две Дуньки, двадцать девок на селе - все веселы, все пляшут, от парней отбою нет. Только Татьяна не пляшет, никто не берет ее. И сидит Татьяна одна как зачумленная. А вернется домой,

неутешно плачет. Третья пьяная гулянка, - как отрезало: ни один парень не взглянул.

Пришла Татьяне гибель.

Бросила Татьяна на гулянки ходить, заперлась, сидит, волосы рвет, плачет. У Григорья, на дочь глядя, руки опускались и в сердце чернела кровь. Бабка Дарья с горя умерла.

- А в вековухах сидеть я не согласна, - как-то вечером всерьез сказала Татьяна отцу, всхлипнула и вышла вон.

Отец ужинать кончал. Ему эти слова как ножом по горлу.

Зашлось у Григорья сердце, выполз из-за стола и за дочкой следом. В сенцах тьма.

- Татьяна!

Тьма жутко закачалась, и возле раздался хрип.

- Ой! - пискливым диким голосом вскричал Григорий. - Господи Сусе!! затрясся, снял дочку с петли, понес, - ноги подгибались, - положил на кровать.

И лишь пришла в себя, стукнул в окно кто-то. БороДа.

- На-ка, Григорий Митрич!.. Писулька тебе. Чрез волость...
заказным.

"От сына", - растерянно подумал Григорий. Сын на фабрике в Питере, в больших делах. Эх, не до письма!

Только утром прочла Татьяна письмо. Брат приехать не обещает - делов выше головы, - зовет сестру в столицу:

"Что ты в деревне киснешь? Чего тебе деревня может дать?"

Раз сама пишешь, что жить тяжело, собирайся ко мне. Я тебя определю на курсы, человеком будешь".

И загорелось вдруг у Татьяны - ехать.

- Хоть прискорбно мне, - глотая слезы, сказал отец, - а поезжай.

Х

Прошло лето, сборы в Питер кончились, наступила осень.

И все по-старому: грязь, бедность, самогон. По утрам дробными ударами на токах молотили рожь. А на печаном острове в ночных потемках играли журавли. Андрюха подкрался на лодке и грохнул из ружья.

И вот теперь у Андрюхи дома живет с перешибленным крылом журавль. Он не подымется больше в небо, он до самой смерти будет жить с Андрюхой на земле.

Утро. Туман. По дороге тарахтит телега.

- Прощай, родимое село!

Настасья едва оттащила смущенного Андрюху от окна.

Григорий, надвинув шапку, помахивал кнутом и весело насвистывал, но его сердце ныло. На телеге Татьяна. Она собралась искать судьбу. Милое лицо ее свежо и радостно. Просветленные глаза упорно смотрят вдаль. Но даль туманна, и над головой висит туман.

И сквозь туман падают на землю вольные крики перелетных журавлей. Летят на юг, прямо к цели.

Что им туман, когда в вышине простор и солнце.

ШИШКОВ Вячеслав Яковлевич (1873 - 1945). Журавли. Впервые опубликован в "Красном журнале для всех", 1924, № 1. Печатается по изданию: Шишков Вячеслав. Собр. соч. в 8-ми т. т. 2. М.. Художественная литература, 1961.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)